

ПРЕДИСЛОВИЕ

2022 год стал переломным для всего мира. Начнёшь вспоминать, сколько всего произошло на постсоветском пространстве, и сам себе не поверишь. Ну, дурной сон же... И сказка. Одновременно. Почему дурной сон — и так понятно. Почему сказка — особый вопрос.

Русский народ — и под это определение попадают все национальности, живущие в нашей стране: имперский плавильный котёл делает своё дело, — горяч до споров, склок и драк (а вместе с тем горяч и до скорых примирений, полных душещипательных признаний в любви к недавнему оппоненту; не врагу, а именно оппоненту — это разные вещи). И поэтому удивительно, насколько 2022 год всех нас сплотил.

Не обходится, конечно, без некоторых казусов, но в целом — происходит небывалое единение.

И когда народ в таком состоянии, фокус его внимания смещается с оформленной

финтифлюшками пустоты — на самого себя. Мы открываем друг друга. Находим такой духовный кладёзь в соседе, которого знали не один десяток лет, что не устаём пить его чистейшую родниковую воду.

Таким «соседом» оказался и Дмитрий Молдавский.

Он 1977 года рождения. В идеальной ситуации (разве ж такие бывают?) он должен был выстрелить плюс-минус в то же время, что и Борис Рыжий (1974–2001) или Олег Дóзморов (р. 1974), Андрей Коровин (р. 1971) или Александр Переверзин (р. 1974), — времени было достаточно. Но Молдавский не вписался в это поколение. Судьба сложилась так, что его приход к читателю отодвинулся на значительное время.

Тем не менее все черты поколения — налицо.

Традиционная поэтика, точные рифмы, тяга к классическим стихотворным жанрам (в данном случае к стансам), особое внимание к XIX и даже XVIII веку, осторожное приятие модерна и неприятие любого пост-и неомодерна. И самое главное — никакой головной зауми, всё — из сердца и сердцем написано.

Поэтому, наверное, так причудливо и немного чудно воспринимаются стихотворения Дмитрия Молдавского, полжизни проработавшего на военном заводе — он обслуживает вентиляционные установки, помогающие заводу функционировать в должном режиме, — и ломающего все современные шаблоны. Казалось, такой типаж вымер вместе с пролетарской литературой, небольшими литературными объединениями при заводах и в целом — вместе с Советским Союзом.

Ан нет: есть, оказывается, ещё дикорастущие, абсолютно самостоятельные и уникальные авторы.

Впрочем, тут мы немного лукавим. Прежде чем устроиться на завод, Молдавский какое-то незначительное время проучился в Литературном институте им. А. М. Горького. Ушёл — не сдав даже первую сессию. А дальше — жизнь сберегла и пристроила.

Летом 2022 года он подал заявку к нам в литературную мастерскую Захара Прилепина. Обычно на такие мероприятия берут исключительно молодёжь до 35 лет, но мы на этот раз решили убрать какие-либо ограничения — и, как видите, не прогадали. Во время смены

Молдавский (тихий и скромный, но как доходило до разборов текстов — въедливый, внимательнейший и строгий) поразил всех — и слушателей (уже, кстати, в той или иной степени признанных — типа Антона Шагина или Елены Заславской), и нас, кураторов, и приглашённых литераторов.

Поразительно было, что поэт *такого* уровня только-только становится более-менее известным.

Жизнь преподнесла очередной сюрприз — и осенью Молдавский был уже нарасхват. Не будучи членом никакого союза писателей, не печатаясь в толстожурнальной периодике, не выступая ни на каких поэтических вечерах, он со своими стихами оказался сразу в трёх антологиях, посвящённых военным действиям на Украине: в «Воскресших на Третьей мировой» (подготовлено нами), «Поэзии русского лета» (подготовлено Маргаритой Симоньян и её командой) и «Блокпосте» (подготовлено Анной Ревякиной).

Этот результат вполне заслужен. И, мы уверены, Молдавского ожидает ещё большее количество подобных сюрпризов.

Вот и ты, дорогой читатель, дождался настоящего поэта (сколько бы ни народилось гениев, их всегда не хватает!). А поэт — тебя. Уверены, всё в этом лучшем из миров будет по любви. А как иначе?

*Олег Демидов,
Алексей Колобродов,
Захар Прилепин*

Глухонемой поэт заводит речь
на языке, принадлежащем рыбам,
который не способен перетечь
в ответное *спасибо*.

Но, может быть, на этом языке
удастся повести́ иные речи —
понятные дождю, ручью, реке —
нечеловечьи?

Попытка стоит времени и свеч!
Поэт порой и сам не понимает,
когда издалека заводит речь —
как далеко его заводит речь
глухонемая.

2000

Проснувшись раньше всех, и впопыхах,
не завтракав, помедлить не рискуя,
художник с инструментами в руках
торопится подняться в мастерскую,
где, судорожно в памяти ища,
в чём, собственно, причина
этой спешки? —
карандаши готовит натошак,
как семечки луща их, как орешки.

За полчаса, оставшихся ему,
из расписанья выкроенных чудом,
он даст воображенью своему
излиться переполненным сосудом.
С решительностью, чуждою уму,
провозгласив свободу от традиций,
он даст воображенью своему
сосудом переполненным излиться.

Он будет трогать кистью полотно;
подхвачен вдохновением под локоть,
в распахнутое выскочит окно
и станет город той же кистью трогать;
носиться с Солнцем наперегонки
по кронам тополей, по крышам башен,
чтоб город шёл по берегу реки,
под Хохлому до пяток разукрашен!

Когда ещё усилит он нажим,
прочерчивая контуры трамваям —
на первый взгляд почти непостижим,
а на второй уже неузнаваем, —
родится день. И с видом хитреца
вообразит себе, какой он милый,
чем и докажет правоту творца,
пусть критика его и разгромила!

2001